

УДК 343.9

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Фендрикова Е.В.

студентка,

Юридический институт НИУ «БелГУ»,

Белгород, Россия¹

Аннотация

В статье рассматривается проблема социального неравенства как одного из значимых криминогенных факторов в современной России. Анализируется влияние имущественной и социальной дифференциации на уровень преступности, исследуются взаимосвязи между экономическим положением различных социальных групп и их криминальной активностью. Особое внимание уделяется росту латентной преступности в условиях неравенства, а также трансформации ценностных установок в обществе. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к преодолению социального неравенства как меры предупреждения преступности.

Ключевые слова: социальное неравенство, преступность, криминология, криминогенные факторы, социальная стратификация, профилактика преступности.

SOCIAL INEQUALITY AS A CRIMINOGENIC FACTOR IN MODERN RUSSIA

¹ *Научный руководитель: Кислицина И. Н., к.ю.н., старший преподаватель, Юридический институт НИУ «БелГУ», Белгород, Россия*

Fendrikova E. V.

student,

BelSU Law Institute,

*Belgorod, Russia*¹

Abstract

The article examines the problem of social inequality as one of the significant criminogenic factors in modern Russia. The influence of property and social differentiation on the crime rate is analyzed, the interrelationships between the economic situation of various social groups and their criminal activity are investigated. Particular attention is paid to the growth of latent crime in conditions of inequality, as well as the transformation of values in society. The conclusion is made about the need for an integrated approach to overcoming social inequality as a crime prevention measure.

Keywords: social inequality, crime, criminology, criminogenic factors, social stratification, crime prevention.

Проблема социального неравенства на протяжении последних десятилетий остаётся одной из ключевых в общественных науках, включая социологию, экономику, политологию и криминологию. В условиях рыночной экономики, глобализации и трансформации социальных институтов в России существенно усилилась имущественная и социальная дифференциация населения. Эти процессы оказывают не только социальное и экономическое, но и криминогенное воздействие, способствуя росту преступности и изменению её структуры.

¹ **Scientific supervisor:** *I. N. Kislitsina* , Candidate of Law, Senior lecturer, BelSU Law Institute, Belgorod, Russia

Социальное неравенство выражается в различии доступа граждан к материальным благам, образованию, здравоохранению, достойной занятости и социальной защите. Оно формирует чувство несправедливости и отчуждения, усиливает социальное напряжение и подталкивает определённые группы населения к противоправному поведению. Таким образом, социальное неравенство выступает значимым фактором, влияющим на уровень преступности в обществе.

Криминология рассматривает социальное неравенство не только как фон для преступности, но и как самостоятельный источник криминогенных рисков. Чем выше разрыв между богатыми и бедными, тем выше вероятность маргинализации отдельных групп населения, возникновения у них асоциальных установок, чувства бесперспективности и склонности к нарушению закона. Одновременно в верхних слоях общества неравенство создаёт предпосылки для коррупционных и экономических преступлений, связанных с сохранением и приумножением материальных ресурсов.

Исторический опыт и современная криминологическая теория подтверждают, что общество, где высок уровень расслоения, сталкивается с повышенными рисками социальной напряжённости и девиантного поведения. В России данный процесс усиливается институциональной нестабильностью, низким уровнем доверия к государственным структурам и слабой эффективностью антикоррупционных механизмов.

Актуальность темы обусловлена тем, что в Российской Федерации наблюдается устойчивый рост социального расслоения, что подтверждается статистическими данными о концентрации значительной части материальных ценностей в руках узкой группы населения. На фоне этого сохраняется высокий уровень бедности, что ведёт к усилению латентной преступности, росту имущественных правонарушений и снижению доверия к институтам власти и правосудия. Эти процессы напрямую затрагивают вопросы

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

профилактики преступности и требуют комплексного анализа в рамках криминологической науки.

Анализ криминологических данных свидетельствует, что регионы с наиболее высоким уровнем социального расслоения характеризуются повышенной криминальной активностью. При этом прослеживается следующая закономерность:

- в низших социальных слоях преобладают кражи, грабежи, мошенничество;
- в средних слоях чаще фиксируются преступления экономической направленности и незаконное предпринимательство;
- в высших слоях — коррупция, злоупотребление должностными полномочиями, отмывание доходов.

Таким образом, социальное неравенство отражается не только в количественных показателях преступности, но и в её качественной структуре. Оно формирует своеобразный «социальный профиль преступности», зависящий от положения индивида в системе социальной стратификации.

Неравенство влияет и на виктимологическую характеристику общества. Лица из малообеспеченных групп чаще становятся жертвами преступлений, так как имеют ограниченные возможности защиты своих прав и интересов. Одновременно повышается уровень латентной преступности: значительная часть правонарушений остаётся вне официальной статистики из-за недоверия граждан к правоохранительной системе или опасений усугубить своё положение.

Помимо этого, высокий уровень социального расслоения усиливает агрессивность и конфликты в обществе, что повышает риск насильственных

преступлений. Таким образом, социальное неравенство выступает фактором не только преступного поведения, но и виктимизации населения.

Теоретическое осмысление проблемы социального неравенства в криминологии базируется на ряде концепций. Классическая теория относительной депривации (Р. Мертон, Т. Гербер, В. Гимпельсон) утверждает, что преступное поведение является результатом не столько абсолютной бедности, сколько восприятия несправедливого распределения ресурсов. Согласно Р. Мертону, преступность возникает, когда индивиды не могут достичь социальных целей законными средствами [4]. В российской реальности это проявляется в том, что «в условиях экономической нестабильности и ограниченных возможностей для социальной мобильности, индивиды могут прибегать к девиантным практикам как к альтернативному способу достижения целей».

Другим важным направлением является структурно-функциональный подход, в рамках которого социальное неравенство рассматривается как фактор дезорганизации общества. Исследователи (С. Мареева, Э.М. Султанов) указывают, что низкий уровень материальной обеспеченности и ограниченный доступ к базовым благам становятся источником имущественных преступлений, а также провоцируют рост латентной преступности [3]. Э. М. Султанов подчеркивает, что криминогенный потенциал неравенства проявляется в утрате социального контроля и снижении ценности правовых норм [11].

Не менее значимым является институциональный подход (Л. Косалс, А. Максимова), подчеркивающий, что социальное расслоение ведёт к укреплению теневой экономики и коррупционных практик [2]. В условиях неравного доступа к социальным благам и ресурсам криминальные формы поведения воспринимаются частью общества как «нормальные» и социально оправданные.

Анализ приведённых концепций позволяет утверждать, что современные теоретические подходы сходятся в признании социального неравенства одним из базовых криминогенных факторов, при этом подчеркивается необходимость комплексного анализа — от индивидуального уровня восприятия несправедливости до институциональной динамики.

Дискуссионным является вопрос о степени и характере влияния социального неравенства на преступность. Часть исследователей (С.В. Мареева, В. Плотников) настаивает на прямой зависимости: рост расслоения неминуемо приводит к увеличению преступности, так как усиливается социальное напряжение и ослабляются механизмы социального контроля [8].

Тем не менее существует и альтернативная точка зрения, согласно которой уровень преступности определяется не столько самим фактом неравенства, сколько восприятием его справедливости обществом. Сторонники данного подхода (А. Верккеев) [1] указывают, что в условиях высокого социального расслоения преступность может оставаться относительно стабильной, если у граждан сохраняется вера в возможность социальной мобильности.

Особый интерес вызывает дискуссия о роли коррупции и теневой экономики как следствия и одновременно фактора воспроизводства неравенства. Исследователи (Л. Косалс, А. Максимова) [2] подчеркивают, что в российском контексте коррупционные практики создают «параллельные каналы» доступа к благам, усиливая недоверие к институтам и снижая легитимность государства. Это формирует благоприятную почву для криминализации общества.

Проведённый анализ показывает, что социальное неравенство в современной России выступает одним из ключевых факторов, формирующих криминогенную среду. Прямое влияние проявляется через материальную

нужду, ограниченный доступ к базовым благам и неспособность легально реализовать социальные цели, что подтверждается теориями относительной депривации и структурно-функциональными подходами. Косвенное влияние проявляется в ослаблении социальных институтов, росте коррупции и формировании теневой экономики, что создает условия для воспроизводства преступного поведения в долгосрочной перспективе.

Научная дискуссия демонстрирует, что социальное неравенство не может рассматриваться как единственный фактор преступности. Его влияние тесно переплетается с экономическими, культурными и институциональными условиями, а также с субъективными оценками граждан относительно справедливости распределения ресурсов. В отдельных исследованиях подчеркивается, что даже при высоком уровне расслоения общества преступность может оставаться относительно стабильной, если сохраняются механизмы социальной мобильности и доверия к государственным институтам.

В связи с этим социальное неравенство следует рассматривать как компонент сложной системы факторов криминогенеза, усиливающий риски девиантного поведения, но действующий в сочетании с другими экономическими, социальными и институциональными детерминантами. Практическая значимость исследования заключается в том, что для снижения уровня преступности необходимо разрабатывать комплексные меры профилактики, включающие как усиление социального контроля и правоприменительной практики, так и государственные инициативы, направленные на сокращение экономического разрыва, повышение уровня социальной защищённости и формирование справедливого доступа к ресурсам.

Анализ судебных актов подтверждает влияние социального неравенства на формирование преступного поведения.

Во-первых, это касается имущественных преступлений. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [9] неоднократно подчёркивается, что мотивы совершения таких преступлений часто связаны с материальной нуждой. Данный аспект в полной мере отражает влияние бедности как криминогенного фактора.

Во-вторых, социальное неравенство отражается в росте коррупционных преступлений. В Постановлении Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях» [10] отмечается, что коррупция нередко является ответом на несправедливое распределение ресурсов и социальных благ, при этом она усугубляет неравенство, воспроизводя замкнутый круг криминогенных условий.

Региональные примеры также иллюстрируют данную взаимосвязь. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 15 марта 2019 г. по делу № 5-УД19-15 [7] указывалось, что рост числа имущественных преступлений в экономически депрессивных регионах обусловлен низким уровнем занятости и социальной защищённости населения. Аналогичные выводы содержатся и в обзорах судебной практики Верховного Суда РФ за 2021–2023 гг. [5, 6], где отмечается, что наиболее высокий удельный вес преступлений против собственности наблюдается в субъектах с высоким уровнем безработицы и дифференциации доходов.

Особое внимание обращает на себя практика применения ст. 159 УК РФ (мошенничество). В ряде решений судов первой и апелляционной инстанции подчёркивается, что значительная часть дел связана с использованием уязвимого положения малообеспеченных граждан, что подтверждает криминогенную роль социального неравенства.

Таким образом, судебная практика свидетельствует о прямой зависимости динамики имущественной и коррупционной преступности от уровня бедности и социального расслоения, а также о необходимости учитывать социально-экономический контекст при назначении наказания и выработке профилактических мер.

Одним из приоритетных направлений профилактики преступности, обусловленной социальным неравенством, является совершенствование государственной социальной политики. Приоритетное значение имеет сокращение разрыва между наиболее обеспеченными и наименее защищёнными слоями населения за счёт адресных мер поддержки, повышения уровня минимальной заработной платы и развития системы социальных гарантий. Практика зарубежных государств показывает, что устойчивое снижение уровня преступности возможно лишь при условии, когда базовые социальные потребности населения удовлетворяются на приемлемом уровне.

Значимым инструментом выступает развитие системы образования и профессиональной подготовки. Повышение доступности качественного образования и создание условий для получения новых профессий позволяют расширить возможности социальной мобильности и снизить криминогенный потенциал общества. В долгосрочной перспективе именно образовательные инициативы способны сократить социальное расслоение и обеспечить равный доступ к экономическим ресурсам.

Не менее важной мерой профилактики социального неравенства как криминогенного фактора является борьба с коррупцией, которая не только воспроизводит социальное неравенство, но и подрывает доверие граждан к государственным институтам. Усиление ответственности за экономические преступления, обеспечение прозрачности в деятельности органов власти и внедрение антикоррупционных стандартов на всех уровнях способствуют укреплению правопорядка и повышению социальной справедливости.

Отдельного внимания требует развитие программ ресоциализации и поддержки лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Своевременное оказание правовой, психологической и материальной помощи снижает вероятность вовлечения таких лиц в преступную деятельность. Важную роль в этом направлении играет взаимодействие государства с институтами гражданского общества, включая некоммерческие организации, благотворительные фонды и инициативные сообщества.

В конечном счёте, перспективные решения должны носить комплексный характер, сочетая социальные, экономические и правовые меры. Только системное сокращение социального неравенства в сочетании с эффективным правоприменением позволит ослабить его криминогенный потенциал и укрепить общественную стабильность в современной России.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что социальное неравенство является значимым криминогенным фактором, способствующим росту имущественных и коррупционных преступлений, развитию теневых практик и подрыву доверия к институтам власти. Оно воздействует как на индивидуальное поведение граждан, так и на состояние общества в целом, повышая уровень социальной напряжённости.

Анализ теоретических подходов, научных дискуссий и судебной практики показывает, что социальное неравенство оказывает многогранное воздействие на преступность. Перспективные меры должны носить комплексный характер: сочетать социальные реформы, укрепление правоприменительных институтов и антикоррупционные меры.

Только при системном сокращении социального разрыва возможно снижение криминогенного потенциала общества и укрепление социальной стабильности в Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Верккеев А. М. Неравенство в восприятии уличной безопасности в России // Социологические исследования. – 2022. – № 8. – С. 75–86.
 2. Косалс Л. Я., Максимова А. В. Теневая экономика и коррупция в России: социальные и криминологические аспекты // Общественные науки и современность. – 2015. – № 2. – С. 120–134.
 3. Мареева С. В. Социально-экономическое неравенство в современной России и его восприятие населением // Журнал социологических исследований. – 2020. – № 6. – С. 45–58.
 4. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренькова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 213–229.
 5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 апреля 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».
 6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 октября 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».
 7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 марта 2019 г. № 5-УД19-15 // СПС «КонсультантПлюс».
 8. Плотников В. Социальный анализ факторов развития преступности: условия криминализации общества и социально-сберегающие механизмы // Академический вестник. – 2019. – № 4 (22). – С. 45–53.
 9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2.
- Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. – 2013. – № 155.

11. Султанов Э. М. Социальные детерминанты преступности в современной России : дис. ... канд. филос. наук. – М., 2010. – 189 с.

Оригинальность 85%